

...Сэр, если человек устал от Лондона, это значит, что он устал от жизни, поскольку в Лондоне есть все, на что жизнь способна (Сэмюэль Джонсон (1709-1784), создатель Словаря английского языка)

Лондон? Вестминстерское аббатство, Тауэр, Тауэр-бридж и Национальная галерея? Трафальгарская площадь, Пикадилли-Серкус, чинный Кенсингтон, аристократическая Белгравия и карибский Брикстон? Сохо, Пимлико, пресловутый Гайд-парк, Сити и Доки? Разумеется. Но Лондон тем и хорош, что изумительно разнообразен и никак не желает укладываться в формат путеводителя.

РАЗНЫЕ ПРИЧИНЫ

Этот город отличается от других европейских столиц тем, что никогда не задумывался по плану и ни разу не подвергался рациональной реконструкции. Он рос стихийно. Одни поселки boroughs слипались и боролись с другими, город тянулся вдоль Темзы и внутрь страны. Где начинается Лондон, где он кончается, неизвестно. Он перетекает щупальцами, концентрируется в плотные сгустки, разряжается парками и надоедает бесконечными районами, застроенными одинаковыми двухэтажными домиками с непременно садиком позади.

Ему часто приходилось худо. Он горел в пожарах. Гнил и возрождался. Во времена Blitz, массированных немецких бомбардировок, получил тяжелые раны, он изарубцевался уродливыми шрамами послевоенных построек. Но рядом со вратительным бетонным сараем чудесная готическая церковь или старинный домик, куда, возможно, Сэм Джонсон захаживал.

Станный город. Сядишься в огромный красный даблдекер у львов Трафальгарской площади и через полчаса петляния по узеньким улицам (как двухэтажное чудовище умудряется здесь протиснуться?) оказываешься в странной вселенной Хэмпстеда, на северо-востоке, на холмах, откуда виден весь город.

Когда-то это была далекая деревня. Сюда полдня надо было добираться. Добирались, по разным причинам. Иногда вполне мистическим. Здесь спасались. На хэмпстедских холмах лондонский люд сбежался в 1524 году: было напрошено, что море выйдет из берегов и затопит весь город. Сюда бросились в 1666: пошел слух, что только здесь можно спастись от эпидемии чумы. В 1786 году ждали конца света. Кто-то объявил, что это событие Хэмпстед не затронет. Поживешь несколько дней в Хэмпстеде и поймешь, что, конечно, конец света и здесь почувствуешь, но по-другому, чем где бы то ни было.

ДУРАК НА ХОЛМЕ

Холмы. С их вершин на ладони один из величайших городов планеты. Сейчас то видно далеко, хотя иногда дымка заволакивает Св. Павла, Парламент, Доки и ленту Темзы.

Раньше, когда был смог, Лондон, наверно, выглядел как грязная кастрюлька, бурлящая зловонным варевом. В Хэмпстеде свежий воздух. Вот и начали здесь еще лет двести назад спасаться от городского угара те, кому надо было подумать наясную голову. Здесь вечно дует ветерок, тут просторы лугов и большой лес. Сейчасон больше похож на парк, но такой, в котором можно заблудиться. И он до сих пор хранит название Hampstead Heath, Хэмпстедский лес. Летают синицы и сойки, асобака, когда ведешь ее на прогулку, вдруг ощеривается, начинает хрипеть и свирепо бросается в кусты: в Хэмпстеде лисы почти столь же обычны, как вороны на московских помойках.

Когда-то здесь были охотничьи угодья. Так возникло поместье Кенвуд в северном углу Хэмпстедского леса. В шестидесятые годы XVIII столетия его перестроил великий архитектор Роберт Адам. Здесь приближаешься к пониманию того, что такое британская скромность, британский эксцентризм и британское величие. Дом небольшой, беленький. Но его очертания совершенны, а, присмотревшись, замечаешь: он не белый, он загадочно переливается. Пилястры чуть-чуть розоватые, стены слегка уходят в голубое, а аттик неуловимо зеленеет перламутром. В окнах теплеет уютный свет, и на поверхности стекла отражается низкое, нежное, изменчивое английское небо, сбегаясь вдали с зеркалом темного пруда, обрамленного лугом и торжественными мрачноватыми деревьями.

Что же, в 1814 году писатель Джон Парк сказал о Хэмпстеде: изумительное, дружелюбное, уважающее себя и в высшей степени приятное место для жизни.

ПОВЕСИЛИ ЗА ШЕЮ

Такое место не может существовать без легенд. Они часто абсурдны и противоречивы. Один из уголков Хэмпстеда Val of Health, Долина здоровья. Про эту местность одни рассказывают, что название она приобрело в 1666 году сюда, в уединенную лошину, не добралась Великая Чума. Другие циничнее и, возможно, ближе к истине. В XVIII веке беспардонные торговцы недвижимостью, чтобы заманить покупателей на малярийное болото, придумали этот рекламно-надувательский слоган. Истина, я верю, где-то посередине. Малярии и чумы в Хэмпстеде давно нет. Зато есть пабы, в которых при помощи горячительного раньше лечились от всяких горячекда и до сих пор лечатся. Естественно, ни один уважающий себя паб без мифа обойтись не может. Пабов в Хэмпстеде множество, но есть Четверка, гордость местной мифологии.

Первый Spaniards Inn. В XVI веке этим постоялым двором почему-то (Англия тогда враждовала с Испанией) владели два испанца. По какой-то причине они повздорили, обнажили шпаги и доблестно закололи друг друга. Загадочных испанцев судовольствием до сих пор поминают посетители. Еще это заведение прославил Дик Турпин, эксцентричный джентльмен, любивший здесь остановиться по дороге в Кенвуд. Часто он никуда дальше не ехал. Ложился спать в Spaniards. В 1780 году лондонская чернь взбунтовалась и решила сжечь Кенвуд, осиное гнездо аристократии. По дороге революционеры притомились и сделали привал у Испанцев. Сперва их поил Турпин, потом, когда у того деньги кончились, publican, то

есть трактирщик. До Кенвуда борцы за социальную справедливость, ясно, не добрались. Второй The Flask, Фляга, находящийся на Flask Walk, во Фляжном проулке. Загадочной легенды у этого заведения нет. Все просто. Когда-то давным-давно, при Рыжей Мэри, некий пьянчуга раскроил приятелю череп тяжелой флягой. Продолжение их судеб сокрылось во тьме веков, в пивной пене.

Третий Jack Straw Castle. Бывал здесь или нет вожак крестьянского восстания 1381 года Джек Строу неизвестно. Но местная легенда настаивает на том, что именно тут Джека-Солому предатели опоили элем и выдали королевским солдатам. Самый молодой из великолепной четверки хэмпстедских пабов Magdala. Несмотря на юность, он успел обзавестись вполне убедительной историей. Именно здесь любила посидеть, обдумывая гнусные замыслы, прославленная британской желтой прессой Рут Эллис. Она с помощью любовника убила другого своего любовника, за что, как гласит вырезка из старой газеты, висящей в рамочке на стене в зале Магдалы ... была по приговору в 9 утра 18 июня 1955 года повешена за шею Альбертом Пьерпойнтом до момента наступления смерти.

КРАСИВО И ИНТЕРЕСНО

Мрачноватые у них истории в пабах? Правильные. Они рассказывают о жизни и смерти. Другие истории в Хэмпстеде неуместны. Здесь умеют жить и знают, что смерть когда-нибудь да придет. Но не стоит особенно расстраиваться по этому поводу.

Вот и селились здесь, на свежем ветерке, те, кому надо подумать. Рассказчики историй и сочинители слов, исследователи мифологий. Великий поэт-романтик Джон Китс. Многословный, но очень разумный Джон Голсуорси. Трагический мудрец Джордж Оруэлл. Здесь после эмиграции из Австрии обосновался и умер Зигмунд Фрейд. В его доме посетители могут полюбоваться на кушетку, которой Доктор пользовался для копания в подсознательном своих пациентов, и на собранную им внушительную коллекцию искусственных фаллосов.

Разумеется, не все нынешние обитатели Хэмпстеда способны сочинить Эндимион или 1984. Но идешь по лугам Хэмпстед-Хит, смотришь как местные выгуливают собак, удят рыбу, кормят лебедей и уток на прудах, и очевидно это особая субраса. Hampstedian не адрес, а национальность и мировоззрение. Здесь можно поселиться, привыкнуть, восторгнуться, отчаяться, узнать правила поведения и превратиться в обитателя очень особенного совпадения времени и пространства. В Хэмпстеде все очень медленно и страшно быстро: солнце проскочит в облаках, и неизвестно, сколько времени случилось. Не то десять секунд, не то десять лет. Здесь каждую зиму одни магнолии окутываются белыми призрачными цветами, другие пылают пурпуром, и весной яростным весельем сияют на газонах нарциссы. В магазинчике License Off пакистанец с диким акцентом, но с грамматикой тьютора из Christ College будет советовать, какой кларет купить. А за окнами домиков на Parliament Hill Street теплится отстраненный свет.

Что за люди здесь живут? Разные и чудные. Судя по автомобилям, теснящимся на тротуарах Мини-Куперы, Ягуары, старые Роллсы, коллекционные Ситроены. Две

Лошади, иногда вдруг ржавые Жигули да новенькие Воксхоллы не бедные. Но никакой суеты. Разве что вприпрыжку за сияющим на закате ретривером. Жители Хэмпстеда вошли в легенду. Здесь живут Весы. От Ребекки. Дочки зажиточных еврейских родителей, студентки лучших колледжей и объект копирования для жертв моды из Парижа и Нью-Йорка. Хэмпстед давно стал любимым адресом для абсолютно англоязычных евреев свободных профессий, вспоминающих о вере праотцев только на Пасху. Но Вес есть Вес. Близко не подходит. Она сразу вспомнит о Юдифи. Здесь живет состоятельный дантист родом из Йоркшира. Зубной врач как зубной врач, йоркширец как йоркширец. Но круглый год ходит босиком ступни задубели как у австралийского аборигена. Выходит из дома, едет на званый ужин. На женевечернее платье и итальянские туфельки, на нем выходной костюм, но подворотами брюк голые лапы. Доктор не член эзотерической секты и несумасшедший. Ему просто нравится ходить босиком. И никого это давно не смущает. Здесь множество странных дамочек с собачками, наряженных в безумные одежды: дикие разноцветные свитера, прозрачные накидки со стеклярусом и напрочь абсурдные шляпки. В Москве такую признали бы городской сумасшедшей. В Хэмпстеде это Mrs Jones, Mrs Horovitz или Mrs McDowell, профессор Royal College of Music, исследовательница обычаев индейцев Амазонии или специалист по новейшей истории Украины.

Хэмпстедцы грудью стоят на защите своей маленькой родины. В 80-е годы поп-звезда Бой Джордж купил себе здесь дом. Своими безвкусно экстравагантными повадками он не вписывался в заведенный хэмпстедский порядок вещей. Помешать ему приобрести недвижимость жители не могли, но подвергли остракизму. Бой Джордж съехал. Потом здесь решили открыть Макдональдс. Противостоять этой всемирной заразе хэмпстедцы, несмотря на все усилия, не сумели. Но добились, что над входом в Макдо не была повешена сияющая Золотая арка.

В полупустой Магдале за пинтой пива часами сидят потертые господа, листают газету или что-то подчеркивают в толстенной книге. Вдруг, когда запищит сотовый телефон, откликаются: Угххм, Джек... Нет, два миллиона на этот фильм маловато, я бы сказал, даже эксцессивно много, но зато у меня есть идея: почему бы нам не прогуляться в Россию? Говорят, там интересно и очень красиво. Правда, мне сперва надо доделать ремонт.

На самом деле, почему бы не проехаться в Россию, особенно после ремонта? А тем временем юные хэмпстедцы играют в футбол на лугу, собаки бегают в поисках лис, а совсем маленькие жители этого удивительного поселения кормят лебедей и уток. Мамы, бабушки и няни умиляются. Жалко, я не родился Hampsteadian. Впрочем, в России тоже очень красиво, а главное интересно.